

Ограничения и запреты носят социально-предупредительный характер. За несоблюдение требований превентивного надзора, поднадзорный привлекается как к уголовной, так и административной ответственности. При нарушении менее 2-х раз требований превентивного надзора, лицо привлекается к административной ответственности по ч.1 ст.25.11 КоАП Республики Беларусь. При привлечении по данной статье более 2-х раз, лицо привлекается к уголовной ответственности согласно ст. 421 УК Республики Беларусь. Таким образом, превентивный надзор – мера уголовно-правового воздействия, дополняющая содержание уголовной ответственности на финальном этапе ее применения. Действующий уголовный кодекс также предусматривает ответственность за неприбытие лица в установленный срок в орган внутренних дел для постановки на учет и отбытия превентивного надзора [4, с. 13–15].

Анализируя судебную практику, мы приходим к выводу, что в теории белорусского права, относящегося к превентивному надзору много обязанностей, носящих уголовную ответственность и мало обязанностей исправительного характера. Так, считаем нужным ввести такую обязанность как обязательное официальное трудоустройство. Анализ данных показывает, что рецидив преступлений допускают лица не работающие, ведущие асоциальный образ жизни.

Результаты анализа практики применения превентивного надзора показывают, что недостаточная эффективность связана с отсутствием надлежащего контроля за лицами, ранее судимыми.

Заключение. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в устоявшейся правоприменительной практике карательно-ограничительные меры превентивного надзора доминируют над исправительными. В связи с этим, наиболее разумно в социальном аспекте было бы предусмотреть в законе дополнительные требования исправительного характера, направленные на ресоциализацию личности.

Основная уголовно-правовая миссия превентивного надзора должна заключаться в исправительно-профилактическом измерении, что продиктовано самим названием этой меры. В связи с этим следует пересмотреть существующее законодательство как в административной, так и в уголовной природе превентивного надзора.

1. Голубев, С. А. Меры уголовно-правового воздействия как категория уголовного права / Голубев С. А. ; науч. рук. Петров А. П. // Молодость. Интеллект. Инициатива : материалы X Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов, Витебск, 22 апреля 2022 года. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – С. 288–290. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/32706> (дата обращения 11.09.2022).

2. Василевич, Г.А. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть / Г.А. Василевич. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2019. – Т.2. – 990 с.

3. Афонченко, Т.П. Превентивный надзор / Т.П. Афонченко. – Гомель: гомельск. Гос. ун-т, 2003. – 114 с.

4. Хомич, В.М. Формы реализации уголовной ответственности / В.М. Хомич. – Минск: БГУ, 1998. – 132 с.

КРИТЕРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Ребицкая Е.В.,

аспирант кафедры государственного управления БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Мороз Н.О., канд. юрид. наук, доцент

Ключевые слова. Международная правосубъектность, правосубъектность, юридические лица в международных отношениях, субъект международного права, критерии международной правосубъектности.

Keywords. International legal personality, legal personality, legal persons in the international and relationships, subjects of international rights, criteria of international legal personality.

Анализ прогрессивного развития международного права до настоящего времени показывает закономерную тенденцию к расширению перечня его субъектов. Как следствие, наблюдается особый интерес к проблеме определения международной правосубъектности юридических лиц в международном публичном праве. Данный вопрос до сих пор остается одним из наиболее обсуждаемых и спорных в международно-правовой науке.

Актуальность данного исследования вызвана существенными переменами в структуре международных отношений, связанных с увлечением роли на международной арене отдельных субъектов, что порождает ряд дискуссий о необходимости пересмотра критериев международной правосубъектности в отношении юридических лиц.

Цель исследования – выявить особые критерии международной правосубъектности, которыми обладают юридические лица, участвующие в международных отношениях. Для проведения исследования проанализированы труды ученых-юристов по вопросам международной правосубъектности, а также ряд международных актов, регулирующих ответственность юридических лиц на международной арене. Для анализа собранного материала были использованы метод анализа, синтеза и сравнительно-правовой метод.

Результаты и их обоснования. В юридической доктрине выделяют три основных вида международной правосубъектности: общая, отраслевая и специальная.

Общая правосубъектность – это способность лица в силу самого факта (*ipso facto*) быть субъектом международного права вообще. Такой правосубъектностью обладают только суверенные государства, так как они являются первичными субъектами международного права. В доктрине общей правосубъектностью также наделяют нации, борющиеся за свою независимость. Отраслевая правосубъектность – это способность лица быть участниками правоотношений в определенной сфере межгосударственных отношений. Такой правосубъектностью обладают межправительственные организации. Например, ЮНЕСКО участвует в международно-правовом регулировании вопросов, касающихся образования, науки и культуры, в интересах обеспечения всеобщего уважения, справедливости, законности и прав человека, но только тех, которые провозглашены в Уставе ООН. Специальная правосубъектность – это способность лица быть участником лишь определенного круга правоотношений в рамках отдельной отрасли международного права. Такой правосубъектностью обладают физические лица.

Правосубъектность в рамках международного права неразрывно связана с теорией отнесения субъекта к субъекту международного права. Так, исходя из существующих в доктрине теорий, можно выделить следующие собирательные критерии международной правосубъектности: наличие суверенитета; признание субъекта международного права как такового другими субъектами международного права; право участвовать в создании норм международного права; право вступать в отношения с другими субъектами международного права (иметь права и обязанности, вытекающие из норм международного права); возможность нести международно-правовую ответственность.

На наш взгляд, в целях устранения противоречий следует четко разграничивать критерии международной правосубъектности в зависимости от того, к какому виду международной правосубъектности они относятся.

Так, критерий «наличие суверенитета» является ключевым лишь для субъектов, обладающих общей правосубъектностью, т.е. государств. Общеизвестно, что суверенные государства являются ключевыми субъектами международного права. Согласимся с мнением Ю. Плахтия, который указывает на то, что государство является не только основным, но и первичным и универсальным субъектом международного права. Ученый отмечает, что не существует норм, наделяющих их международной правосубъектностью; есть только нормы, подтверждающие наличие у них правосубъектности с момента образования. Основной предпосылкой международной правосубъектности государства выступает именно его суверенитет, который наряду с основными правами и обязанностями государств не может быть ограничен, кроме как добровольно или в качестве ответственности за грубое нарушение норм международного права [1, 102]. В основе такого ограничения (независимо от того идет ли речь о добровольном ограничении или ограничении в качестве санкции за нарушение норм международного права) лежит его соответствие нормам международного права. Ни международные организации, ни физические и юридические лица не могут обладать суверенитетом. Следовательно, данный критерий не актуален для субъектов, обладающих отраслевой или специальной правосубъектностью.

Признание субъекта международного права как такового другими субъектами международного права – критерий, имеющий непосредственное отношение лишь к субъ-

ектам, обладающим общей правосубъектностью. Т.к. данная процедура представляет собой односторонний акт государства, посредством которого юридически признаётся возникновение нового субъекта международного права с целью установления с ним дипломатических либо иных отношений. Признание новых государств или правительств является исключительной прерогативой других суверенных государств.

Критерий «право участвовать в создании норм международного права» первоначально также относился исключительно к компетенции государств, что подтверждает общепринятая на международной арене теория согласования волей (авторы этой теории – Г. Триппель, М. Виралли, Г. И. Тункин). Согласно данной теории процесс создания норм международного права представляет собой процесс согласования волей государств путем переговоров. Вместе с тем, нормы международного права создаются не только в рамках прямых межгосударственных отношений, но и в рамках отношений, возникающих между международными межправительственными организациями. Такая правосубъектность имеет специфический характер, который зависит от особенностей создания международных организаций, объеме и характере их полномочий, способов прекращения правосубъектности международной организации.

Как указывает Т. Цимбривский, создание и реализация норм международного права рассматриваются как исключительная компетенция субъектов международного права [2, 94]. Таким образом, участие субъекта международного права в правотворческом процессе является проявлением его правосубъектности, одним из признаков его правового статуса. Следовательно, данный критерий может относиться к субъектам, обладающим общей и отраслевой правосубъектностью.

Критерий «право вступать в отношения с другими субъектами международного права», на наш взгляд, можно отнести к субъектам, обладающим любым видом международной правосубъектности. В то время как данное право в отношении государств и международных организаций не требует обоснования, право юридических лиц вступать в отношения с другими субъектами международного права необходимо пояснить. Еще в 1972 г. ж. Най и Р. Кохэйн расширили представление об акторности на международной арене: наряду с государствами в качестве акторов мировой политики стали выступать негосударственные участники (ТНК, религиозные организации, неправительственные организации и др.). В настоящее время юридические лица уже обладают правами и обязанностями по международному праву. Так, согласно Конвенции ООН по морскому праву юридические лица могут осуществлять деятельность в Районе (подп. «b» п. 2 ст. 153) и не могут присваивать части Района или его ресурсов (п. 1 ст. 137) [3]. Кроме того, юридические лица могут обратиться в ЕСПЧ за защитой своих прав согласно ЕКПЧ или в МЦУИС против государств-участников Вашингтонской конвенции 1965 г. Следовательно, рассматриваемый нами критерий относится и к субъектам, обладающим специальной правосубъектностью.

Отнесения критерия «возможность нести международно-правовую ответственность» в том числе и к субъектам, обладающим специальной правосубъектностью, на наш взгляд, не должно вызывать сомнений. Ведь, как отмечает, В.Барышев, ответственность является необходимым юридическим средством обеспечения соблюдения норм международного права и восстановления нарушенных прав и отношений. Она выступает в качестве особого инструмента регулирования международных отношений и гаранта функционирования международного права [4, 93]. Так, уже существуют ряд актов международного права, которые содержат в себе положения, предусматривающие уголовную ответственность юридических лиц. Например, Конвенция ООН о противодействии коррупции, Конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Кроме того, общепризнано, что ТНК несут ответственность за нарушение прав человека согласно нормам Руководящих Принципов ОЭСР для многонациональных предприятий. Данный акт является источником мягкого права и, безусловно, его рекомендации необязательны для исполнения. Но сам факт наличия такого документа и механизма привлечения к ответственности ТНК подтверждает, что юридические лица могут нести международно-правовую ответственность.

Заклучение. Таким образом, международная правосубъектность – это качественная характеристика субъекта международного права, выражающаяся в способности лица быть субъектом международного права. Многочисленные исследования показывают, что определяющее влияние на возникновение такого вида международной правосубъектности, как специальная правосубъектность, оказал стремительное увеличение роли юридических лиц на международной арене. Развивая данную концепцию, можно сделать вывод о том, что юридические лица обладают специфическими критериями международной правосубъектности, а именно: наличие права вступать в отношения с другими субъектами международного права и возможность нести международно-правовую ответственность.

1. Плахтій Ю. Конфедерація як суб'єкт міжнародно-правових відносин / Ю. Плахтій // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія «Юридичні науки». – 2010. – № 84. – С. 101–103.

2. Цимбривский Т. Доктринальні підходи до дослідження правосуб'єктності у міжнародному праві / Т. Цимбривский // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія «Юридична». – 2012. – № 2 (1). – С. 91–100.

3. Конвенции ООН по морскому праву 1982 [Электронный ресурс] : заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982 г. // Организация Объединенных Наций – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml. – Дата доступа: 08.09.2022.

4. Барышев, В. А. Международное публичное право (общая часть) : курс лекций / В. А. Барышев ; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Каф. истории и теории права. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. – 106 с.

СУБАБОНЕНТСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИИ: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Савчик Е.В.,

аспирант БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Третьякова И.П., канд. юрид. наук, доцент

Ключевые слова. Абонент, договор электроснабжения, потребитель электроэнергетики, субабонент, энергоснабжающая организация.

Keywords. Subscriber, power purchase agreement, consumer of electrical energy, subsubscriber, energy supply organization.

Правовое регулирование взаимоотношений между абонентом и субабонентом, возникающих на основе договора электроснабжения, в настоящее время имеет ряд недостатков как технико-юридического, так и концептуального характера, что обуславливает сложности в правоприменении, а также не соответствует перспективным задачам развития электроэнергетики Республики Беларусь, определенных Национальной стратегией устойчивого развития на период до 2035 года, утвержденной протоколом заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2020 г. № 3, и направленным на развитие рыночных отношений в электроэнергетике. Целью данной работы является внесение предложений по совершенствованию законодательства на основе анализа юридической литературы и нормативных источников.

Материал и методы. Методологической основой исследования послужили общенаучные, обще- и частноправовые методы: методы анализа и синтеза, формально-юридический и сравнительно-правовой. Предметом исследования стали нормативные правовые акты, регулирующие субабонентские отношения в области электроснабжения. Изучению данных отношений в рамках исследования договора энергоснабжения посвятили свои труды такие отечественные и зарубежные ученые как М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Е.В. Гончарова, В.С. Каменков, Е. А. Клинова, А.С. Колойда, И.А. Кондракова, А.С. Лисютин, С.В. Матияшук, С.А. Свирков, В.К. Сидорчук и другие, однако вопрос их эффективного правового регулирования в науке гражданского права Республики Беларусь до сих пор остается малоизученным.

Результаты и их обсуждение. Ст. 516 ГК Республики Беларусь и подп. 3.43 п. 3 Правил электроснабжения, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2011 г. № 1394 (далее – Правила) определяют понятие